

*Т. Т. Давыдова, А. М. Шапиро**

ЦЕНзуРА В СОВЕТСКОЙ РОССИИ В 1910–1920-Х ГГ.**

Статья посвящена истории советской цензуры 1917–1920-х гг. Прослеживается ее предыстория (обещания В. И. Ленина закрыть все буржуазные газеты, журналы и другие средства печати после прихода большевиков к власти) и история — возникновение в 1917 г., формирование института цензуры в 1920-е гг. — принятие Декрета о печати Советом Народных Комиссаров, создание Декретом Совета Народных Комиссаров СССР Главного управления по делам литературы и издательств Наркомпроса РСФСР, издание постановления ЦК ВКП (б) «Об улучшении партийного руководства печатью», закрепившего главенство правящей политической партии в отношении прессы. Освещается борьба Е. Замятина и Б. Пильняка за свободную печать, приводятся примеры идеологического воздействия редакторов, цензоров и критиков на советских писателей. Рассказывается о кампании 1929 г. против писателей-«попутчиков», членов Всероссийского союза писателей. Анализируются письма М. Булгакова и Е. Замятина к И. В. Сталину как форма защиты художников слова от преследований.

Ключевые слова: цензура, Главлит, периодическая печать, Декрет о печати, писатель-«попутчик», Замятин, Булгаков, Пильняк.

*АВТОР АНГЛ
НАЗВАНИЕ АНГЛ*

The article is devoted to the history of Soviet censorship in the 1917–1920s. It traces its prehistory (V. I. Lenin's promises to close all bourgeois newspapers, magazines and other media after the Bolsheviks came to power) and history — origin in 1917, the formation of the institution of censorship in the 1920s. — the adoption of the Decree on the Press by the Council of People's Commissars, the creation by the Decree of the Council of People's

* Давыдова Татьяна Тимофеевна, профессор, доктор филологических наук, ФГАОУ ВО «Московский политехнический университет»; t.t.davydova@gmail.com

Шапиро Ангелина Михайловна, аспирант ФГАОУ ВО «Московский политехнический университет»; angelina.polb@gmail.com

** Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 21–011–43076 «Ленинизм и ленинский миф как основа советской идеократии».

Commissars of the USSR of the Main Directorate for Literature and Publishing Houses of the People's Commissariat of the RSFSR, the publication of the decree of the Central Committee of the All-Union Communist Party (Bolsheviks) «On improving the party leadership of the press», which consolidated the supremacy of the ruling political party over the press. It highlights the struggle of E. Zamyatin and B. Pilnyak for a free press, cites examples of the ideological influence of editors, censors and critics on Soviet writers. The story is about the 1929 campaign against the writers-«fellow travelers», members of the All-Russian Union of Writers. The letters of M. Bulgakov and E. Zamyatin to I. V. Stalin as a form of protection of artists of the word from persecution.

Keywords: censorship, Glavlit, periodicals, Decree on the press, «fellow traveler» writer, Zamyatin, Bulgakov, Pilnyak.

Изучение периодической печати позволяет исследователю вычлени́ть необходимую информацию для получения более полной картины того или иного исторического периода, хотя истина могла быть искажена под влиянием политических и идеологических интересов государства, поскольку средства массовой информации являются, по сути, орудием правящей верхушки. Однако даже такое положение вещей позволяет историку и филологу лучше представить себе прошлое. И даже создание истинной картины, по мнению Л. Н. Хмылева, «представляет в высшей степени достоверную информацию об условиях его возникновения (о целях создания, намерениях автора и т. д.)» [25, с. 371].

Существование цензуры в СССР долгое время замалчивалось. Так, в Большой Советской Энциклопедии в статье о периодической печати указывалось, что цензура существовала только в царской России, что «конституция СССР в соответствии с интересами народа и в целях укрепления социалистического строя гарантирует гражданам свободу печати» [3, с. 489–490].

Однако основные положения идеологической пропаганды были разработаны большевиками еще до наступления Октябрьской революции. Так, В. И. Ленин часто повторял, что все буржуазные газеты, журналы и другие средства печати будут закрыты большевиками сразу после прихода к власти. И после революции он заметил, что «терпеть существование этих газет, значит, перестать быть социалистом» [19, с. 54].

Прежняя политика запретов властей на занятие издательской деятельностью для интеллигенции трансформировалась в соответствии с новой задачей — максимально использовать ее интеллектуальный и культурный потенциал для строительства нового общества. Интеллигенция могла свободно выражать свои взгляды только в том случае, если они не носили «подстрекательского характера», направленного на свержение советской власти [18, с. 65].

Первая попытка установить государственный контроль периодической печати, разделив ее на «лояльную» и «нелояльную» к новой власти, была осуществлена 27 октября (9 ноября) 1917 г., когда Советом Народных Комиссаров был принят Декрет о печати. В нем было указано, что «закрытие подлежат лишь органы прессы:

- 1) призывающие к открытому сопротивлению или неповиновению Рабочему и Крестьянскому правительству;
- 2) сеющие смуту путем явно клеветнического извращения фактов;

3) призывающие к деяниям явно преступного, т. е. уголовно наказуемого характера».

Отдельно отмечалось, что данные меры несут лишь «временный характер и будут отменены особым указом» [9, с. 24–25].

Свободно мыслявшие русские писатели критически оценили данный декрет. Е. И. Замятин в публицистической заметке «Они правы» (опубл.: Новая жизнь. 1918. 18 июня, подпись: Мих. Платонов) подчеркнул общественную важность свободной прессы: «Жалкие «интеллигентские» и «лжесоциалистические» газетки. Против них — коммунистические штыки и пулеметы. Но жалких газеток трепещут повелители пулеметов: жалким газеткам нещадно затыкают рот» [с. 308]. Замятин убеждал читателей этой газеты в следующем: «<...> свободное слово прорвет, смеет жандармскую коросту с лика русской революции <...> Они правы, что боятся свободного слова» [14, с. 309]. Идейному пафосу статьи близка ироническая запись в замятинских блокнотах: «Портрет Ленина в лучах. «Печать — только свободная; прочая запрещена»» [15, с. 72–73].

В первой половине 1920-х гг. партийное руководство уже стало активно формировать институт цензуры. Возникшая в 1921 г. новая экономическая политика не только поспособствовала развитию экономики в Советской России, но и подтолкнула творческую интеллигенцию к созданию произведений, смелых в идеологическом и эстетическом отношении.

Примечателен следующий факт из истории советской прессы. Весной 1921 г. планировалось издание «Литературной газеты», однако газета не вышла, была сделана лишь корректура номера [см.: 6, с. 301–302]. В журнале «Дом искусств» (1921. № 2. С. 122), в частности, говорилось: «Все более возрастающая потребность в независимом литературно-критическом и профессиональном органе привела Правление к мысли об издании “Литературной газеты”. По соглашению с Московским отделом союза — “Литературная газета” должна стать органом Всероссийского союза писателей. <...> Правление избрало редакцию газеты в следующем составе: А. Л. Волынский, Е. И. Замятин, А. Н. Тихонов и К. Чуковский. Ими был подготовлен первый номер “Литературной газеты”» [см.: 22, ч. 2, с. 480]. В этом номере предполагалось напечатать статью Замятина «Пора», посвященную необходимости предоставить свободу советской печати [7, с. 81].

Новая «Литературная газета», орган Федерации объединений советских писателей, вышла 22.04.1929 г. В 1932–1934 гг. эта газета стала органом Оргкомитетов Союза советских писателей СССР и РСФСР, после 1934 г. — органом СП СССР.

6 июня 1922 г. Декретом СНК СССР для контроля всех видов печатных произведений было образовано Главное управление по делам литературы и издательств (Главлит) Наркомпроса РСФСР. В крупных городах (Ленинграде, Киеве, Одессе и др.) создавались органы по типу Главлита. Во всех остальных губернских городах контроль осуществлялся работниками, назначенными и утвержденными Главлитом [9]. Основные задачи, поставленные перед новым органом государственной власти, были такими: контроль над публикацией и распространением периодических и непериодических изданий, снимков, другой печатной продукции, составление списков произведений печати, за-

прещенных к продаже, издание правил, распоряжений и инструкций по делам печати, обязательных для всех органов печати. Главлит осуществлял цензурную политику двумя путями: административным и судебным преследованиями, а также путем идеологического давления.

Особый интерес представляет то, что циркуляр Главлита инструктировал, что употребление терминов «цензор» и «цензура» неправильно, поскольку «Окрлиты, Гублиты, Обллиты — не цензура, а органы контроля» [8].

На 12 съезде РКП (б), проходившем с 17 апреля по 25 апреля 1923 г., была принята резолюция о печати для каждого целевого слоя населения своей газеты на интересующую тему. «Имея целую систему газет, партия должна более или менее точно распределить между ними сферу деятельности, чтобы каждая газета ориентировалась по преимуществу на определенный слой читательской массы» [23].

Во второй половине 1920-х гг. аппарат ЦК ВКП (б) распался на несколько отделов: организационно-инструкторский, распределительный (отдел кадров), культуры и пропаганды, отдел агитаций и массовых кампаний) и два сектора (сектор управления делами и «Особый сектор» — «Секретариат Сталина») [11]. Со второй половины 1920-х гг. газеты и журналы все больше превращались в органы, обслуживающие текущие задачи партии и ее актуальные политические кампании. Уникальным независимым изданием стал литературно-художественный журнал «Русский современник», выпускавшийся в Ленинграде в 1924 г. (№ 1–4) и ориентировавшийся на художественный эксперимент и поиск новых форм в искусстве. 3 октября 1927 г. вышло постановление ЦК ВКП (б) «Об улучшении партийного руководства печатью» [21], окончательно закрепившее главенство правящей политической партии в отношении прессы.

В это время пресса, в лучших традициях Н. Г. Чернышевского, использовала эзопов язык, чтобы говорить с читателями с помощью аллегорических символов. Необходимо заметить, что многие советские граждане преуспели в чтении между строк. Однако в художественной литературе этот прием долгое время запрещался. Цензоры Главлита категорически не принимали рукописи на фантастические или исторические темы. Предпочтение отдавалось исключительно бытовому реализму, романам о советской жизни и строительстве социализма. Считалось, что исторический роман о тиранах прошлого несет в себе намеки на настоящее, а фантастическая история о далеком будущем указывает на недостатки жизни сегодняшней. Подобные представления о литературных жанрах реализовались в литературно-критической и редакционно-издательской практике.

Такие шедевры, как замятинский роман-антиутопия «Мы» и его историческая трагедия «Атилла», платоновская хроника «Впрок», роман «Чевенгур» и повесть «Котлован», не получили поддержки собратьев по перу и не были опубликованы в России при жизни их авторов. М. Горький, М. М. Пришвин и К. И. Чуковский отрицательно оценили «Мы», М. Горький, поддержавший платоновскую повесть «Сокровенный человек», неоднозначно воспринял «Чевенгур». Чуткий литературный критик и теоретик литературной группы «Перевал», в целом поддерживавший творчество писателей-«попутчиков», А. К. Воронский тоже резко критически отозвался в статье «Евгений Замятин»

об антиутопии «Мы», еще не опубликованной: роман «целиком пропитан неподдельным страхом перед социализмом, из идеала становящимся практической, будничной проблемой» [4, с. 33]. Замятину, Булгакову, Платонову приходилось испытывать на себе идеологическое воздействие редакторов, предлагавших сделать те или иные правки в текстах, либо учить резко критические мнения авторов отзывов об их произведениях, то есть заниматься самоцензурой.

Порой правки предлагались из нравственных соображений, что видно из предложений С. А. Обрадовича, редактора московского альманаха «Земля и Фабрика», в одном из выпусков которого предполагалось опубликовать замятинскую повесть «Наводнение». «Трудно допустить, что купюра в 5-й гранке (“Никто не слышал, как ночью по-разному дышали трое” и т. д.) — вызвана целомудрием редакции. Этак мы скоро дойдем и до американских нравов, где некое “Общество борьбы с пороком” однажды распорядилось надеть на голые статуи нью-йоркского музея юбочки вроде балетных. Полагаю, что моя вставка в гранке 5-й (несколько изменяющая первоначальный текст) — удовлетворит даже американским требованиям», — писал автор «Наводнения» в письме от 15.I.1929 г. к С. А. Обрадовичу, решительно отвергая предложенную редактором правку [см.: 27, с. 150].

М. А. Булгаков, как и Е. И. Замятин, тоже вынужден был преодолевать препятствия цензуры для постановки на театральных сценах его пьес, на долю обоих выпали успех одной-двух делавших колоссальные сборы пьес (у Замятина это «Блоха», инсценировка лесковского «Левши», у Булгакова — «Дни Турбиных» и «Зойкина квартира») и мучительные переживания из-за невозможности увидеть на сцене другие свои драматургические произведения. В Репертуарном указателе Главного комитета за 1929 г. написано, что не только булгаковские, сомнительные в идеологическом отношении, пьесы «Багровый остров» и «Бег», но даже «Дни Турбиных» и «Зойкина квартира» запрещены к публичному исполнению [см.: 26, с. 335]. Каждый из двух драматургов пристально следил за процессом получения разрешения на постановку пьес своих и своего друга, делал предположения относительно возможного прохождения произведения через цензуру, радовался успеху, когда такие разрешения давались, или огорчался, если их нельзя было получить.

В письме Булгакову от 13.09.1928 г., когда тот настойчиво добивался постановки «Багрового острова», Замятин поздравил его: «С “Багряным островом” Вас!» [см.: 16, с. 180]. «К той любви, которую я испытываю к Вам, после Вашего поздравления присоединилось чувство ужаса (благоговейного). Вы поздравили меня за две недели до разрешения “Багрового острова”», — признавался Булгаков в письме другу от 27 сентября 1928 г. [17, с. 96–97].

Замятин был также в курсе трудностей с постановкой в театре булгаковской пьесы «Мольер» (авторское название «Кабала святош»), запрещенной Главреперткомом. Когда в октябре 1931 г. эта пьеса была наконец принята к постановке во МХАТе, Замятин воскликнул в письме к Булгакову от 28.10.1931. <Ленинград>: «Дорогой Афанасьич, итак — ура трем М: Михаилу, Максиму и Мольеру!» [16, с. 182]. Упомянув имя «Максим», Замятин намекал на Горького, принимавшего в 1928–1931 гг. деятельное участие в устройстве театральных дел Булгакова. Замятин высоко оценил «Мольера» и отныне достижения Булгакова-драматурга связывал прежде всего с этой пьесой.

Писатели-«попутчики» в первую очередь становились жертвами популяр-ных в конце 1920-х — 1930-е гг. идеологических проработок.

В августе 1929 г. против Замятина и Пильняка официальная критика про-вела кампанию, поводом для которой явилась публикация их произведений за рубежом — по-русски в пражском журнале «Воля России» в 1927 г. отрывков из замятинского романа «Мы», запрещенного цензурой для печатания в Со-ветском Союзе, и повести Пильняка «Красное дерево», также запрещенной советской цензурой и опубликованной в 1929 г. в Берлине в издательстве «Петрополис». Пильняк, как и Замятин, ратовал за свободу литературного творчества и печати. В «Отрывках из дневника» Пильняка, опубликованных в сборнике «Писатели о литературе и о себе» (1924), дана развернутая про-грамма независимости литературы от партии и выражен протест против ее вмешательства в литературные дела: «О себе одно только знаю: писать умею только так, как пишу, не писать — не могу, а — хорошо ли, плохо ли, нужно ль или нет? — это пусть разберут история и издатели, кои меня издают» [2, с. 135]. Это признание, скорее всего, не простили «неистовые ревнители» идейной чистоты советской литературы, как не простили и его «Повесть непогашен-ной луны» (1926), где подразумевалась гибель М. Фрунзе во время операции и прозревались некоторые черты будущего культа личности И. В. Сталина, его первая стадия, связанная с уничтожением Сталиным видных государственных деятелей, своих партийных соратников.

Замятин писал 29.08.1929 г. из Коктебеля жене: «Всеобщая паника: везде — статьи, адресованные Пильняку и мне <...>. Все это связано с кампанией против Союза писателей, начатой в “Лит<ературной> Газ<ете>” и “Ком<омольской> Правде”» [22, ч. 1, с. 353].

Удар направили против Пильняка и Замятина также и потому, что оба за-нимали высокое положение в «аполитичном» всероссийском Союзе писателей: Пильняк являлся председателем всего союза и его московского отделения, За-мятин — председателем ленинградского. К началу кампании, продолжавшейся до 1931 г., относится документ, хранящийся в архиве Пильняка: «В Правление Моск. Отд. Вс. Союза писателей от Б. А. Пильняка и Б. Л. Пастернака. Просим от сего числа членами Союза нас отчислить. М., 21 сент. 1929 г. Б. Пастернак, Бор. Пильняк» [цит. по: 1, с. 555].

Эта кампания велась также против М. А. Булгакова, А. П. Платонова и других писателей-«попутчиков», показывавших глубинные противоречия действительности. 7 мая 1926 г. у Булгакова в рамках санкционированной ЦК кампании по борьбе со сменовеховством были конфискованы рукопись дневника писателя и два экземпляра машинописи «Собачьего сердца». Только три с лишним года спустя конфискованное при содействии М. Горького было возвращено автору [см.: 24, с. 433].

М. Горький написал в защиту преследовавшихся писателей две статьи. Первую, «О трате энергии», он напечатал в «Известиях» 15.09.1929 г., во второй статье, «Все о том же», снова заступился за Пильняка, Замятина и Булгакова, но она не была напечатана. Показателен для выступлений рапповских критиков, участвовавших в этой кампании, материал И. Гаврилина «Новое в саморазоблачении Пильняка и Замятина», опубликованный в журнале «На литературном посту» (1931. № 5).

В разгар борьбы с «воронщиной», т. е. «интуитивистским», бергсонизанским пониманием творческого процесса, приписывавшимся А. К. Воронскому, Гаврилин оттолкнулся от статьи Замятина из сборника «Как мы пишем» (Л., 1930), чтобы обвинить «буржуазных по своей сущности» Замятина и Пильняка в отстаивании бессознательной природы творчества, и констатировал, что «их высказывания о художественном творчестве находятся в тесном родстве с их же контрреволюционными произведениями», говорил о «скорой и неминуемой гибели, которую несет им <...> революционная действительность, о невозможности сколько-нибудь устоять против нее» [см.: 5].

В правлении Всероссийского Союза писателей и его московском и ленинградском отделениях в 1929 г. прошли собрания, осуждавшие «антисоветские» поступки Пильняка и Замятина. В результате Пильняк написал покаянное письмо, был прощен и вскоре выпущен за границу [см.: 20, с. 106], а Замятин вышел из Всероссийского Союза писателей и начал хлопотать о возможности на время выехать за рубеж.

В июне 1931 г. он обратился с письмом к И. В. Сталину, написанном, как считает М. О. Чудакова, с учетом неуспеха письма Булгакова правительству СССР. «Вы совершили ошибку — поэтому Вам и отказано, — говорил Замятин своему другу. — Вы неправильно построили свое письмо — пустились в рассуждения о революции и эволюции, о сатире!.. А между тем надо было написать четко и ясно — что Вы просите Вас выпустить — и точка! Нет, я напишу правильное письмо!» Замятин учел ошибку Булгакова, и тон его письма был решительным [26, с. 354].

В письме к Сталину писатель горько сетовал на то, что рапповская критика сделала из него «черта советской литературы». Писатель мужественно раскрыл здесь свои взгляды, явившиеся причиной той газетно-журнальной кампании, которая велась против него: «Я знаю, что в первые 3–4 года после революции среди прочего, написанного мною, были вещи, которые могли дать повод для нападок. Я знаю, что у меня есть очень неудобная привычка говорить не то, что в данный момент выгодно, а то, что мне кажется правдой. В частности, я никогда не скрывал своего отношения к литературному раболепству, прислуживанию и перекрашиванию: я считал — и продолжаю считать — что это одинаково унижает как писателя, так и революцию» [12, с. 404–405]. В письме Замятина раскрывалась типичная картина преследований литератора с независимыми взглядами: «Организована была небывалая до сих пор в советской литературе травля, отмеченная даже в иностранной прессе: сделано было все, чтобы закрыть для меня всякую возможность дальнейшей работы. Меня стали бояться вчерашние мои товарищи, издательства, театры. Мои книги запрещены были к выдаче из библиотек. Моя пьеса (“Блоха”), с неизменным успехом шедшая в МХАТе 2-м уже четыре сезона, была снята с репертуара. Печатание собрания моих сочинений в издательстве “Федерация” было приостановлено» [там же, с. 407].

Речь здесь идет о неизданном пятом томе собрания сочинений. В него должны были войти статьи Замятина, о которых он писал редактору московского издательства «Федерация» Е. Ф. Никитиной 11.V.1931 г.: «Я был бы немало удивлен, если б удалось там напечатать эти статьи — конечно, не вполне православные» [13]. «Литературную смерть», уготованную ему в Советском

Союзе, Замятин просил заменить наказанием менее суровым — разрешить ему вместе с женой уехать за рубеж.

Замятину с помощью М. Горького удалось получить разрешение на временный отъезд из СССР и уехать во Францию, где он и умер, но жизнь Пильняка окончилась трагически. В 1937 г. его арестовали, и ему были инкриминированы не совершенные им преступления против советской власти. 21.04.1938 г. его предали суду Военной коллегии за «антисоветскую, троцкистскую, террористическую» деятельность и сразу же после вынесения приговора расстреляли.

Имена Замятина, Пильняка и Булгакова стали символами борьбы за достоинство и независимость писателя в СССР, его право писать и печатать свои произведения без оглядки на цензуру и публиковать их не только на родине, но и за рубежом, а их творения вошли в золотой фонд русской литературы первой трети XX века.

ПРИЛОЖЕНИЕ

**ПИСЬМО Е. И. ЗАМЯТИНА И. А. НОВИКОВУ
РГАЛИ, Ф. 343, ОП. 4, ЕД.ХР. 654.
ПУБЛИКАЦИЯ Т. Т. ДАВЫДОВОЙ
I**

<январь 1922 г.>

Дорогой Иван Алексеевич.

Нет ли у Вас охоты стать хоть немножко больше интернациональным и дать что-нб. из своих рассказов нам, в Петербург? Рукописи здесь не только берутся в засол, но и печатаются. Недавно вышел № 2 «Дома искусств», № 5 «Записок мечтателей», «Петерб. сборник» Дома литераторов; на днях выходит 1-й альманах изд-ва Гржебина; в середине февраля № 1 журнала «Завтра» (изд. «Петрополис») и 1-й альманах «Мысли». В 1-м «Петерб. Альманахе» Гржебина найдете Горького, Зайцева, Ремизова, Шишкова, меня; стихи Блока, Сологуба, Гумилева, Кузмина. Присылайте что-нб. во 2-й альманах или в «Завтра».

Ваш ЕвгЗамятин

Если будет случай — напомните Б. К. Зайцеву или А. М. Ефросу, чтобы скорее послали в Петерб. Отдел. Правления Союза Пис. цензурный синодик. Надо действовать, творится черт знает что. Сняли с репертуара «Гондлу» Гумилёва, вычеркивают в альманахе его стихи — только потому что нецензурно имя, режут Пильняка. ЕЗ»

ЛИТЕРАТУРА

1. Андроникашвили-Пильняк Б.Б. Б. А. Пильняк // Русские писатели: биограф. словарь. — М., 2000. — С. 553–555.
2. Андроникашвили-Пильняк Б. Б. Два изгоя, два мученика: Б. Пильняк и Е. Замятин // Знамя. — М., 1994. — № 9. — С. 123–153.

3. Большая Советская Энциклопедия. — М., 1974. — Т. 28.
4. Воронский А. К. Евгений Замятин // Воронский А. К. Литературные типы. — М., 1927. — С. 15–38.
5. <Гаврилин Иван> Новое в саморазоблачении Пильняка и Замятина. Автограф и машинопись // РГАЛИ. 1698.1.137.
6. Галушкин А. Ю. Комментарии // Замятин Е. И. Я боюсь: Лит. критика. Публицистика. Воспоминания. — М., 1999. — С. 282–341.
7. Галушкин А.Ю. В защиту свободы печати // De visu. — М., 1992. — № 4. — С. 81.
8. ГАСО. Р577. 2. 5. 93.
9. Декрет СНК. Положение о главном управлении по делам литературы и издательства. 1922 г. [Электронный ресурс] // Музей истории Российских реформ имени П. А. Столыпина. М., 2013–2021. — URL: <http://музейреформ.рф/node/13811>. (дата обращения: 16.08.2021).
10. Декреты Советской власти. Т. 1. — М.: Гос. изд-во полит. литературы, 1957.
11. Еремин С. В. Советская пресса и цензура в 20–30-е годы (источниковедческий аспект) // Научные труды Нижневартковского государственного педагогического института. — Нижневартовск, 1999. — Вып. 1. — С. 125–134.
12. Замятин Е. И. Избранные произведения: в 2 т. — М.: Худож. литература, 1990.
13. Замятин Е. И. Письмо Е. Ф. Никитиной // РГАЛИ, ф.341, оп. 1, ед. хр. 90.
14. Замятин Е. И. Сочинения: В 5 т. Т. 4. Беседы еретика. — М.: Республика, Дмитрий Сечин, 2010.
15. Замятин Е. И. Сочинения: В 5 т. Т. 5. Трудное мастерство. — М.: Республика, Дмитрий Сечин, 2011.
16. Из переписки М. А. Булгакова с Е. И. Замятиным и Л. Н. Замятиной (1928–1936) / публ. В. В. Бузник // Русская литература. — 1989. — № 4. — С. 178–188.
17. Из писем М. Булгакова / публ. и коммент. научн. сотр. Отдела рукописей ИМЛИ им. А. М. Горького АН СССР Е. Ю. Литвин // Памир. — 1987. — № 8. — С. 92–100.
18. Казанин И. Е. Формирование института политической цензуры в Советской России в начале 20-х годов // Вестник Челябинского государственного университета. История. — Челябинск, 2007. — Вып. 22. — С. 65–74.
19. Ленин В. И. Полн. собр. соч. — Т. 35.
20. Любимова М.Ю. Е. И. Замятин и Б. А. Пильняк (материалы к биографиям) // Источниковедческое изучение памятников письменной культуры. — СПб., 1994. — С. 98–108.
21. Правда. — М., 1938. — 5 мая.
22. Рукописное наследие Евгения Ивановича Замятина / сост. Л. И. Бучина, М. Ю. Любимова; предисл. и коммент. Л. Ю. Любимовой; каталог подгот. Л. И. Бучина; подгот. текста Л. И. Бучина, М. Ю. Любимова. — СПб.: Изд-во РНБ, 1997 (Рукописные памятники; Вып. 3. Ч. 1–2).
23. Советская печать в документах. — М., 1961.
24. Соколов Б. В. Булгаковская энциклопедия. — М.: Локид-Миф, 1996.
25. Хмылев Л. Н. Соотношение объективного и субъективного в историческом источнике // Вопросы методологии и истории науки. — Иркутск, 1973. — С. 371–375.
26. Чудакова М. О. Жизнеописание Михаила Булгакова. — М., 1988.
27. «...Я человек негнувшийся и своевольный. Таким и останусь». Письма Е. И. Замятина разным адресатам / публ. Т. Т. Давыдовой и А. Н. Тюрина // Новый мир. — М., 1996. — № 10. — С. 136–159.